

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.16>

UDC 343.21:347

LBC 67.408.018

Submitted: 01.12.2025

Accepted: 08.12.2025

THE INFLUENCE OF THE NATURE OF CIVIL-LAW RELATIONS ON THE CRIMINAL-LAW QUALIFICATION OF AN ACT

Oleg N. Pikurov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: modern legal science increasingly reveals the interpenetration of various branches of law, necessitating the identification of their points of contact. It is traditionally held that criminal law serves a protective function. Consequently, it is important to determine how changes in relations regulated by civil law norms affect the criminal-law assessment of an act that infringes upon such relations, and what knowledge a law enforcer should possess for the most precise qualification of a crime. The **purpose** of the research is to identify, based on historically established judicial practice, the regular trends in how criminal law perceives norms belonging to other branches and the degree of their mutual influence. **Methods:** the author employed both the general scientific methods (system approach, analysis, the historical method) and special methods: comparative law and formal legal. **Conclusions:** the study has established that the problem of assessing the correct application of criminal-law norms depending on the essential characteristics of the crime's object has deep historical roots. Currently, in the context of increasingly complex social relations, law enforcers are required to understand the nature of the protected social relations, looking beyond purely criminal-law content. Moreover, civil-law norms, when intersecting with criminal-law norms, may undergo modifications in their meaning, taking into account the specifics of public-law liability.

Key words: blanket disposition, use of norms from other branches of law, cross-branch connections, taking possession, lost profit, infliction of property damage through deceit or abuse of trust.

Citation. Pikurov O.N. The Influence of the Nature of Civil-Law Relations on the Criminal-Law Qualification of an Act. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 127-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.16>

УДК 343.21:347

ББК 67.408.018

Дата поступления статьи: 01.12.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ ДЕЯНИЯ

Олег Николаевич Пикуров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современной науке права все более прослеживается взаимопроникновение различных отраслей, что требует нахождения точек их соприкосновения. Традиционно считается, что уголовное право выполняет охранительную функцию, в связи с чем представляется важным определить: каким образом изменение отношений, регулируемых нормами гражданского права, влияет на уголовно-правовую оценку деяния, посягающего на такие отношения, и какими знаниями правоприменителю следует обладать для наиболее точной квалификации преступления. **Цель исследования** состоит в том, чтобы на основании исторически сложившейся судебной практики выявить закономерные тенденции восприятия уголовным правом норм иной отраслевой принадлежности и степень их взаимовлияния. **Методы:** автором использовались как общенаучные методы системности, анализа, исторический, так и специальные: сравнительно-правовой, формально-юридический. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что проблема оценки правильного применения уголовно-правовых норм в зависимости от сущностной характеристики объекта преступления имеет глубокие исторические корни. В настоящее время в условиях усложнения общественных связей правоприменителю требуется понимать природу охраняемых общественных отношений,

выходя за рамки чисто уголовно-правового содержания. Более того, гражданско-правовые нормы, соприкасаясь с уголовно-правовыми, могут видоизменять свое значение с учетом особенностей публично-правовой ответственности.

Ключевые слова: бланкетная диспозиция, использование норм иной отраслевой принадлежности, межотраслевые связи, завладение, упущенная выгода, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Цитирование. Пикуров О. Н. Влияние характера гражданско-правовых отношений на уголовно-правовую квалификацию деяния // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 127–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.16>

Введение

Взаимосвязь уголовного права и гражданского права с давних пор находится в центре внимания ученых. Развивается теория влияния одной отрасли на другую, исследуются различные аспекты этого взаимоотношения. Однако не менее важным является вопрос о пределах такой взаимосвязи и выявлении тех ее аспектов, где она прерывается и где вновь начинает работать. Подобная связь прослеживается с самого начала кодификации отраслевых норм на всех исторических этапах, но в нынешний период появляются новые аспекты, связанные как с развитием институтов уголовного права, так и самих охраняемых им общественных отношений, регулирование которых осуществляется гражданско-правовой сферой. Думается, не вызовет серьезных споров утверждение, что правоприменитель в сфере уголовного судопроизводства должен разбираться в цивилистическом блоке юридических норм. Это прежде всего очевидно в составах преступлений с бланкетной диспозицией. Но насколько должен быть универсалом, к примеру, следователь, квалифицируя деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ. С одной стороны, признаки состава здесь могут быть определены без обращения к нормам иной отраслевой принадлежности (и, таким образом, бланкетность отсутствует), однако в ней фигурируют термины, уяснение которых требует добротного знания правомочий собственника. Да и над тем, что понимается под имуществом, задумается в отдельных случаях даже самый грамотный специалист в области гражданского права.

Можно возразить, что для применения уголовно-правовых норм нет необходимости вдаваться в столь глубокие рассуждения о предмете хищения, поскольку его суть опре-

деляется здравым смыслом, житейским опытом, а самое главное – каких-либо ссылок на иное законодательство не требуется.

Вопрос между тем не праздный. Он тесно связан с извечной дискуссией о самостоятельности предмета уголовно-правового регулирования и его решение носит производный характер от определения круга охраняемых общественных отношений.

Взаимосвязь гражданско-правовых отношений и преступления на примере начального периода развития Советского уголовного права

Весьма ценной для анализа взаимосвязи гражданско-правовых отношений и квалификации преступления представляется надзорная практика Народного Комиссариата Юстиции РСФСР (далее – НКЮ) начала 20-х годов прошлого века – периода, когда еще только велась работа по созданию советского кодифицированного законодательства. Так, некий Архипов народным судом г. Кургана был признан виновным в присвоении вещей умершего сына Николая [2]. Свои притязания он основывал на совершенной еще при царской власти купчей крепости, утратившей к этому времени свое правовое значение. Приговор в отношении Архипова, действия которого квалифицировались как присвоение, оставлен отделом высшего судебного контроля НКЮ в силе. Примечательно, что в решении отсутствовала ссылка на уголовное законодательство, хотя на тот момент существовали разрозненные декреты, относящиеся к этой отрасли права, да и Руководящие начала по уголовному праву РСФСР были разработаны еще в 1919 году. Вместе с тем в обоснование виновности лица приводилась ссылка на ст. 9 декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27.04.1918 «Об от-

мене наследования». К слову, вопреки расхожему критическому мнению, часто основывающемуся лишь на названии указанного документа, он *de facto* не отрицал института наследования. Более того, в нашем случае именно благодаря этой норме судом были защищены права потерпевших, поскольку она закрепляла за вдовой Николая, имевшей на иждивении малолетних детей, право на непосредственное распоряжение и пользование оставшимся после мужа имуществом.

Приведенное судебное решение носит ярко выраженный уголовно-правовой характер, однако в нем указывается только гражданско-правовой нормативный акт. Говорит ли это об отсутствии в уголовном праве собственного предмета правового регулирования? Первый, поверхностный вывод – уголовное право «придасток» иных отраслей и охраняет лишь то, что ими закреплено. С другой стороны перед уголовным правом стоят свои цели и задачи, не сводимые к целям и задачам гражданского права, а в некоторых случаях, исходя именно из них, следует анализировать гражданско-правовое содержание. Стоит отметить, что автор настоящей статьи разделяет суждение о признании объектом преступления общественных отношений. Применительно к правовой форме отношений в сфере экономической деятельности как объекту преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, Л.В. Лобанова поддерживает равнозначность выражений «установленный порядок» и «совокупность правоотношений» [4]. В рассматриваемом примере периода судебного нормотворчества суть уголовно-правового запрета присвоения чужого имущества закреплена через запрет действовать в обход установленному порядку, и этот запрет не зависит от многообразных форм его ненаказуемого завладения или, вернее, ненаказуемого обращения в свою пользу.

Данная оговорка вызвана тем, что мы попутно выходим еще на одну проблему. Ученые – специалисты в области уголовного права устойчиво оперируют термином «завладение», понимая под ним процесс перехода к виновному такого правомочия собственника как владение: «хищение в разных его формах предполагает завладение чужим имуще-

ством» [10], «виновный завладевает чужим имуществом, находившимся до этого во владении потерпевшего» [11], «как только совершаются с корыстной целью противоправные действия по утаиванию телефона, его сокрытию, т.е. невозвращению, содеянное квалифицируется как завладение чужим имуществом путем его присвоения» [1], этот же термин фигурирует и в судебных решениях. Однако, как отмечается в цивилистической доктрине, указанный термин не имел в дореволюционном отечественном законодательстве и не имеет до настоящего времени четкого формального определения, что как и сто с лишним лет назад, неизбежно ведет к его многозначности на практике [3].

Таким образом, наука уголовного права и практика, нередко самостоятельно очерчивают круг общественно опасных деяний. Что немаловажно, соотнося свое поведение лишь с уголовно-правовым запретом, лицо не нарушит требований иных отраслей права. Это на наш взгляд свидетельствует в пользу его регулятивной функции.

Понятие упущенной выгоды и квалификация имущественных посягательств в современной судебной практике

В современной судебной практике встречаются ситуации, при которых формулировки гражданского законодательства претерпевают корректировку с учетом отраслевых функций уголовного права.

Так, 28 февраля 2018 г. Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 165 УК РФ в связи с тем, что он 8 августа 2016 г. получил в аренду земельные участки с целью жилой застройки, обойдя при этом процедуру торгов путем введения в заблуждение муниципального образования о наличии там объектов незавершенного строительства. Государственная регистрация договоров аренды не состоялась после вмешательства правоохранительных органов. Суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу о наличии ущерба, причиненного путем обмана и злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, поскольку муниципальный бюджет за три года

недополучил бы арендную плату за земельные участки в размере 338 914 рублей. Между тем Президиум Пермского краевого суда 20 июля 2018 г. отменил приговор и апелляционное постановление, производство по делу прекратил за отсутствием в деянии Б. состава преступления. Кассационная инстанция указала, что «упущенной выгодой согласно ст. 15 ГК РФ *во взаимосвязи со ст. 165 УК РФ* являются неполученные потерпевшим доходы, которые тот *бесспорно* получил бы при обычных условиях гражданского оборота (курсив наш. – О.П.)»[9].

К сожалению, из опубликованного судебного решения не совсем ясно, по каким причинам в течение трех лет муниципальное образование не смогло получать прибыль от сдачи в аренду земельных участков и какую роль в этом сыграли действия Б. Обратим внимание на другое: слово «бесспорно» в ст. 15 ГК РФ не фигурирует. Пункты 2–4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» истолковывают механизм определения упущенной выгоды путем взаимного предоставления доказательств сторонами через оценочные признаки «разумность», «возможность», «справедливость», что, конечно же, нельзя отнести к бесспорным критериям.

Добавленный судом к законодательному определению упущенной выгоды термин «бесспорно» по вышеприведенному делу Б. повлек прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Тем самым суд адаптировал норму гражданского права применительно к составу преступления посредством ее ограничительного толкования с учетом специфики уголовно-правовой сферы. Добавим к этому, что в соответствии с ч. 4 ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. На наш взгляд, эта норма уголовно-процессуальной отрасли права также свидетельствует в пользу правильности выводов, к которым пришел суд кассационной инстанции в отношении Б.

Думается, приведенные аргументы можно распространить и на иные ситуации, связанные с причинением лицом убытков: упу-

щенная выгода по своим характеристикам в принципе не может являться подтверждением наличия состава преступления, правоприменителю необходимо доказывать только наличие реального ущерба.

Ограничено ли бланкетной диспозицией использование в уголовном праве норм иной отраслевой принадлежности?

Наряду с вышеизложенным имеется и ситуация, когда с учетом характера гражданско-правовых отношений корректируется квалификация по уголовно-правовым нормам, не содержащим явной отсылки к нормам иной отраслевой принадлежности.

Так, в 1995 г. Редькин купил у Баркова автомашину, заплатив задаток в размере примерно 1/16 ее полной стоимости и договорившись оформить сделку купли-продажи через неделю. Спустя месяц Редькин, не дождавшись Баркова, разукомплектовал автомашину, продав двери, капот и крышку от багажника, а также выбросив кузов, блок двигателя и государственный номер. То небольшое, что осталось, он собрал с купленными отдельно новым кузовом и блоком двигателя и использовал по приобретенным документам от совсем другой, сгоревшей автомашины. Как следует из материалов дела, приобретенная Редькиным у Баркова автомашина была последним похищена совместно с другим лицом в результате разбойного нападения. В ходе предварительного следствия Редькин возместил потерпевшему стоимость автомашины. Давленовским районным судом Республики Башкортостан Редькин в 1997 г. осужден за уничтожение чужого имущества по ч. 1 ст. 167 УК РФ и оправдан по ч. 4 ст. 208 УК РСФСР (заранее не обещанное приобретение и сбыт чужого имущества в крупных размерах, заведомо добытого преступным путем). По протесту заместителя Генерального прокурора РФ Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ 29 ноября 2000 г. приговор и постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан в отношении Редькина по ч. 1 ст. 167 УК РФ отменены, а дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления с указанием на то, что поскольку осведомленность Редькина

о приобретении им похищенного не доказана, он является добросовестным приобретателем (в противном случае не последовало бы оправдания по ст. 208 УК РСФСР). Имевшее место возмещение Редькиным потерпевшему стоимости автомобиля, как указал суд, свидетельствует лишь о том, что ущерб, причиненный действиями похитителей, был компенсирован им как лицом, которому один из виновных сбыл похищенное [6].

С точки зрения уголовно-правового подхода в «чистом виде» вменение Редькину ст. 167 УК РФ может представиться даже объяснимым: получив автомашину при сомнительных обстоятельствах и даже не расплатившись, он по каким-то своим соображениям ее уничтожает (по всей видимости именно подобной логикой руководствовались органы предварительного следствия, вменяя данный состав). В то же время, если подойти к изложенной фабуле под гражданско-правовым углом, можно на первый взгляд рассуждать о ситуации так называемой эвикции¹. Ведь Редькин приобретает имущество, которое продавец Барков не имел право отчуждать, не являясь его собственником. Тем самым нарушены требования ч. 1 ст. 460 ГК РФ в связи с продажей товара, не свободного от прав третьих лиц. У собственника (потерпевшего по делу о хищении) с учетом ч. 1 ст. 302 ГК РФ возникает право истребовать имущество от приобретателя Редькина. При условии доказанности добросовестности действий Редькина (а ведь именно к его добросовестности апеллирует Судебная коллегия) продавец Барков на основании ч. 1 ст. 461 ГК РФ обязан возместить ему понесенные им убытки.

Однако в теории гражданского права отмечается проблемность применения правил эвикции. В условиях недостаточного законодательного урегулирования, субъективной природой добросовестности и сложностью ее доказывания предлагаются некоторые критерии определения добросовестности покупателя, одним из которых является приобретение им вещи на возмездной основе, подразумевая под этим ее оплату в полном размере [7].

С этих гражданско-правовых позиций Редькина весьма сложно назвать добросовестным покупателем в связи с невыполнением

условий договора (он не оплатил покупку?), и для него наступают неблагоприятные последствия в виде потери права требовать с Баркова возмещения понесенных им убытков. А вот для решения вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении Редькина решающим фактором стало само по себе наличие сделки, предметом которой и была автомашина (в противном случае имело бы место приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем).

В этом терминологическом разночтении понятия добросовестности, на наш взгляд, и сокрылась ошибка предварительного следствия, необоснованно расценившего сделку между Барковым и Редькиным как незаконную, а компенсацию убытков собственнику имущества недобросовестным приобретателем Редькиным как подтверждение собственной виновности в преступлении. Верховный Суд разобрался в сути вопроса и принял верное решение.

В приведенном ниже примере более характерно прослеживается влияние гражданского-правового содержания отношений на уголовно-правовую оценку.

В 1993 г. из пожарного водоема, расположенного в запретной зоне поста войсковой части, Исламовы и Лаптевы извлекли с целью дальнейшей продажи пять авиационных пушек, затопленных там за три года до этого с целью уничтожения с разрешения вышестоящего командования. Приговором военного суда гарнизона, оставленным без изменения военным судом округа, всем троим вменялось хищение огнестрельного оружия по предварительному сговору группой лиц, предусмотренное ч. 2 ст. 218 УК РСФСР (помимо иных статей в отношении отдельных соучастников). По протесту председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ в 1996 г. их действия в этой части были переквалифицированы на ч. 1 ст. 218 УК РСФСР как незаконное приобретение оружия [5]. К этому времени уже действовала часть первая Гражданского кодекса РФ, в которой давалась характеристика действиям, свидетельствующим об отказе от права собственности (на момент вынесения приговора аналогичных норм не существовало). Военная коллегия подчеркнула, что войсковая часть добровольно отказалась от при-

надлежавшей ей собственности, выбросив пушки, и даже то обстоятельство, что водоем располагался в запретной зоне поста, еще не свидетельствовало о том, что войсковая часть продолжала владеть оружием. Ссылки на гражданское законодательство не приводились, тем не менее подобная формулировка достаточно ясно указывала на устранение собственника от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество, что подпадает под ч. 1 ст. 236 ГК РФ.

Таким образом, только системное использование всех отраслей права в их единстве дает верное представление о сути общественно опасных деяний. Обращение к нормам иной отраслевой принадлежности возможно и должно иметь место не только в бланкетных составах преступлениях, но и во всяком случае, когда требуется уяснить подлинный характер сложившихся отношений, охраняемых нормами уголовного права.

Не случайно Совет Федеральной палаты адвокатов РФ с 1 октября 2025 г. изменил правила квалификационного экзамена на статус адвоката, усилив в перечне тестовых заданий цивилистический блок вопросов [8]. Думается, такой же тенденции должно придерживаться преподавательское сообщество в подготовке прокурорских и судейских работников.

Выводы

Влияние норм уголовного права на применение нормы гражданского права и наоборот – не имеет линейного решения. Вопрос о применении норм иной отраслевой принадлежности решается в каждом конкретном случае с учетом специфики юридического конфликта и обстоятельств дела. Взаимопроникновение отраслей и, как следствие, широта познаний, которая требуется для применения норм уголовного права, сама по себе не обязательно говорит о бланкетности тех или иных составов преступления. О бланкетности можно говорить, когда сам признак состава не может быть определен без прямого обращения к нормам иной отраслевой принадлежности.

В остальных случаях уместнее употребить термин «взаимосвязь» – более широкое понятие, позволяющее уяснить правомерность

самого действия с точки зрения уголовного права, но с учетом специфики регуляции отношений иными отраслями. Следует отметить, что вопрос о необходимости учета правоприменителем связи гражданского и уголовного права возник практически одновременным разделением права на отрасли. В современных условиях усложнения межотраслевых связей потребность в межотраслевой оценке противоправного деяния требуют добротного владения правовым материалом на стыке различных отраслей. Это обстоятельство следует учитывать при подготовке практических работников в учебном заведении.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под которой понимается изъятие товара у добросовестного покупателя третьим лицом по основаниям, возникшим до продажи товара, с одновременным возникновением у продавца обязанности возместить покупателю понесенные им убытки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарбатович, Д. А. Воспользоваться чужим имуществом и не вернуть: вопросы квалификации / / Мировой судья. – 2024. – № 11. – С. 21–25.
2. Из деятельности Народного комиссариата юстиции. Практика высшего судебного контроля». 22 января 1922 г. // Ежедневник советской юстиции. – 1922. – № 4. – С. 12.
3. Лаптева, Л. Е. О некоторых традициях в регулировании и защите владения: история и современность // Гражданское право. – 2025. – № 5. – С. 2–6.
4. Лобанова, Л. В. К вопросу о классификации преступлений // Вестник ВолГУ, Серия 5. – 2008. – № 10. – С. 62–67.
5. Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 1996 г. по делу Исламовых и Лаптева // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 2. – С. 11.
6. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 ноября 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8. – С. 10.
7. Осадченко, Э. О. Применение правил об эвикции в отечественном гражданском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 89–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jc.jvolsu.2020.2.13>
8. Перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката (ут-

в. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 21.08.2025, протокол № 5) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление президиума Пермского краевого суда от 20 июля 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 8. – С. 42–43.

10. Хиллута, В. В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 127–130.

11. Яни, П. С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. – 2015. – № 12. – С. 43–47.

REFERENCES

1. Garbatovich D.A. To use someone else's property and not return it: qualification issues. *Justice of the Peace*, 2024, no. 11, pp. 21-25.

2. From the activities of the People's Commissariat of Justice. The practice of supreme judicial control". January 22, 1922. *Weekly Journal of Soviet Justice*, 1922, no. 4, p. 12.

3. Lapteva L.E. On some traditions in the regulation and protection of property: history and modernity. *Civil Law*, 2025, no. 5, pp. 2-6.

4. Lobanova L. V. On the classification of crimes. *Bulletin of the Volga State University*, Series 5, 2008, no. 10, pp. 62-67.

5. The ruling of the Military Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 30, 1996 in the case of Islamov and Laptev. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1997, no. 2, p. 11.

6. Definition of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.29.2000. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2001, no. 8, p. 10.

7. Osadchenko E.O. Application of the rules on eviction in domestic civil law. *Legal Concept = The legal paradigm*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 89-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.13>

8. List of questions to be included in the examination papers when taking the qualification exam for the status of a lawyer (approved by the Decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers dated 08.21.2025, Protocol No. 5). *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Resolution of the Presidium of the Perm Regional Court dated July 20, 2018. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2020, no. 8, pp. 42-43.

10. Khilyuta V.V. Identification of signs of fraud, embezzlement and embezzlement in judicial practice. *Criminal law*, 2015, no. 5, pp. 127-130.

11. Yani P.S. Qualification of embezzlement: the moment of termination, gratuitousness, damage. *Legality*, 2015, no. 12, pp. 43-47.

Information About the Author

Oleg N. Pikurov, Candidate of Legal Sciences, Acting Head of the Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pikurov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2137-7156>

Информация об авторе

Олег Николаевич Пикуров, кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pikurov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2137-7156>